

УДК 94(47).084.9

ЖИЗНЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ СОВЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1991)

О. В. БРИГАДИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Предпринята попытка анализа массовых настроений и условий повседневной жизни советского населения в годы перестройки (1985–1991). Предлагается авторская трактовка понятия «массовое сознание», исследуются причинно-следственные связи между ситуацией в стране и динамикой массовых настроений. Обращено внимание на изменение отношения людей к идеям и лозунгам перестройки, проанализированы причины кризиса доверия к власти. Сделан акцент на межнациональных конфликтах, забастовочном движении в отдельных регионах страны, причинах социального расслоения общества, а также на снижении качества жизни населения. На основе конкретных фактов показывается повседневная жизнь населения в течение шести лет перестройки, а также прослеживаются пути приспособления людей к событиям внешнего мира.

Ключевые слова: перестройка; кризис; межнациональные конфликты; тотальный дефицит; распад СССР.

LIVING IN AN ERA OF CHANGE: THE MASS CONSCIOUSNESS AND EVERYDAY PRACTICES OF THE SOVIET POPULATION DURING THE YEARS OF PERESTROIKA (1985–1991)

O. V. BRIGADINA^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The author attempts to analyze the mass sentiment and the daily live of the Soviet population in the years of perestroika (1985–1991). The author's interpretation of the concept of «mass consciousness» is suggested, causal relations between the specific situation in the country and the dynamics of mass sentiments are traced. The attention is paid to changing people's attitudes to the ideas and slogans of perestroika, author analyzes the causes of the crisis of confidence in the government. Emphasis is made on international conflicts, the strike movement in some parts of the country, causes of the social stratification of society, reducing of the level and quality of life. On the basis of specific facts, the author sought to fully represent the everyday life of the population during the six years of perestroika, to trace the ways of adapting people to the events of the external world.

Key words: perestroika; crisis; ethnic conflicts; the total deficit; the collapse of the Soviet Union.

Введение

Начальный этап трансформации советского общества, который получил устойчивое название «перестройка», связан с именем М. С. Горбачёва, избранного Генеральным секретарем ЦК КПСС в марте 1985 г. Динамика перестроечных процессов прослеживается достаточно четко.

Образец цитирования:

Бригадина О. В. Жизнь в эпоху перемен: массовое сознание и повседневные практики советского населения в годы перестройки (1985–1991) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 3. С. 87–93.

For citation:

Brigadina O. V. Living in an era of change: the mass consciousness and everyday practices of the Soviet population during the years of perestroika (1985–1991). *J. Belarus. State Univ. Hist.* 2017. No. 3. P. 87–93 (in Russ.).

Автор:

Ольга Васильевна Бригадина – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России исторического факультета.

Author:

Olga V. Brigadina, PhD (history), docent; associate professor at the department of Russian history, faculty of history. brigadinaol@mail.ru

Первый этап длился с 1985 по 1986 г. В стране сформировалось осознание перестройки как значимого явления, преимущественно преобладали оптимистические и нейтральные настроения, уверенность в том, что власть контролирует ситуацию. Пытаясь вывести страну из застоя, М. С. Горбачёв начал осуществлять программу экономических и политических преобразований под лозунгом «больше социализма, больше демократии». Однако все попытки за счет скрытых резервов в короткий срок добиться подъема экономики не принесли видимых результатов. Большинство экономических проектов не были осуществлены по причине нерешительности власти в их реализации, сопротивления аппарата, а также в силу глубоко укоренившихся за годы административного управления привычек. В стране нарастала социальная напряженность.

В период с 1987 по 1988 г. темпы экономического роста упали до уровня, который фактически означал наступление стагнации; нарастало финансовое напряжение; мотивация производства была разрушена, что привело к потере стимулов к производительному труду; обнажился кризис смысла жизни; руководство столкнулось с проблемой доверия. На фоне ухудшающейся экономической ситуации закономерной стала потребность в политической реформе общества и создании правового государства. На XIX партконференции, проходившей в 1988 г., был поставлен вопрос об изменении политической

структуры общества, демократизации институтов власти, расширении гласности. Началось перераспределение полномочий. Коммунистическая партия Советского союза (КПСС) перестала играть руководящую роль, а законными представителями власти были признаны Советы и Съезд народных депутатов.

На последнем этапе (1989–1991) в экономической сфере наблюдался разрыв традиционных хозяйственных связей, катастрофический спад производства, падение курса рубля, разрушение централизованной финансовой системы, а также формирование криминально-монопольного рынка. В политической сфере нарастало противоборство множества политических партий и течений, началась война законов РСФСР с регионами, ухудшилось геополитическое положение СССР, ослабилось его внешнеполитическое влияние. На социальную сферу воздействовали расслоение общества, обнищание, обострение межконфессиональных конфликтов. В идеологии наблюдался кризис духовности и коммерциализация науки, образования, культуры и СМИ. Слабость государственной власти, а также центризм и колебания Президента СССР М. С. Горбачёва привели к насильственному отстранению главы государства от власти во время августовского путча 1991 г. Подписанием Беловежских соглашений об образовании СНГ 8 декабря 1991 г. закончилось существование Советского Союза.

Формирование массового сознания в период перестройки

В научной литературе вопрос о содержании понятия «массовое сознание» является дискуссионным. При всем многообразии точек зрения нам представляется наиболее обоснованным вывод о том, что массовое сознание проявляется в большей степени в бурные и динамичные периоды развития общества и является совокупностью различных взглядов, настроений и эмоций, характерных для значительных групп населения, независимо от их социального или экономического положения. Массовое сознание регулирует поведение людей, основывается на их жизненном опыте, культурных традициях и стереотипах. Распад привычной системы ценностей в условиях перестройки стимулировал граждан на поиск путей адаптации к новой социальной реальности. На быденном уровне массовое сознание получило свое выражение в повседневных практиках, определением которых дала американский историк Ш. Фицпатрик: «...пути и способы, с помощью которых советские граждане пытались вести обычную жизнь в необычных условиях» [1, с. 7].

Массовое сознание советских людей оказалось расколотым. Политика перестройки в СССР оценивалась по-разному: от восторженно-оптимистических до резко критических позиций. Бывший

первый секретарь Московского городского комитета КПСС В. В. Гришин в мемуарах «От Хрущева до Горбачёва: политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина» констатировал, что «на шестом году перестройки призывают людей принести новые жертвы <...>, кризисное положение в стране есть результат скоропалительных, непродуманных, легковесных решений и действий последних лет» [2, с. 81]. Многие, признавая необходимость изменений в стране, вместе с тем выражали сомнения в том, что складывавшаяся десятилетиями система социально-политического и экономического управления государством и обществом была обречена и нуждалась в полном уничтожении. «Разваливая СССР, демократы утверждали, что вступление России в общее русло мировой цивилизации <...> автоматически приведет к росту экономики и тем самым повышению уровня и качества жизни всего населения. <...> Реальность оказалась куда как печальнее радужных мифов» [3, с. 6]. Для активной части населения перестройка, даже в качестве «революции сверху», давала надежду на поворот к лучшему. По признанию С. А. Алексиевич, казалось, что «вот она – новая жизнь, сядем в трамвай и окажемся в совершенно новой жизни, а жизнь оказалась совершенно другой» [4, с. 6].

Для объективного анализа массовых настроений в стране интерес представляет так называемый «взгляд со стороны». Публицист из Федеративной Республики Германия Л. Леман, находясь в командировке в СССР, подготовил к изданию книгу «Необходимо, как воздух», в которой рассказал о своих впечатлениях от встреч с обывателями. Он сделал вывод о том, что у «человека с улицы» не чувствуется сопереживания волнующим процессам перестройки <...>, причина тому – верноподданническая психология. Принимать все, как есть, довольствоваться тем, что имеешь. Нет у советских людей еще достаточно условий для развития чувства собственного достоинства, они не привыкли пользоваться гражданскими правами, которые им неотъемлемо принадлежат» [5, с. 76]. Такой вывод иностранного журналиста оспорили своими действиями рабочие шахт. В 1989 г. в стране началась волна забастовок шахтеров Кузбасса, Караганды, Воркуты, Уральского региона. Одна из них в июле 1989 г. повергла руководство страны в шок. По оценке М. С. Горбачёва, «это было самое тяжелое испытание для нас за все четыре года перестройки» [4, с. 79]. Забастовки по-новому осветили роль рабочего движения в стране. Средства массовой информации лишь спустя несколько дней сообщили правду о размахе и силе однодневной забастовки. Только в Кузбассе в волнении приняло участие около 300 тыс. человек, на сутки остановили работу 124 шахты Донбасса и 13 шахт Воркуты. По словам одного из бастующих, «сила – это рабочие. А перестройка – эпоха сильных аргументов» [6, с. 81]. Причины, толкнувшие шахтеров на столь крайние меры, – рост цен, инфляция, отсутствие товаров первой необходимости. У рабочих формировалось убеждение в том, что перестройка дала возможность обогатиться разного рода кооператорам и махинаторам: «люди за заводом наживаются на спекуляции и дефиците миллионные состояния» [6, с. 80]. Среди причин оказались неудовлетворенность условиями труда и высоким уровнем травматизма, а также недоверие шахтеров к административно-управленческому аппарату шахт. Только в Донецкой области после июльской забастовки в 1989 г. шахтеры объявили недоверие 42 директорам шахт и объединений. Отмечалось нежелание официальных профсоюзов отстаивать интересы рабочих, что стало основанием

для создания в 1990–1991 гг. альтернативных независимых объединений шахтеров: конфедерация труда, межрегиональное объединение «Рабочий», координационный совет дальневосточных стачкомов, Союз трудящихся Кузбасса, региональные союзы рабочих, а также многочисленные областные стачечные комитеты. Шахтеры, неудовлетворенные выполнением экономических требований, стали выдвигать политические. В июле 1991 г. Было оглашено требование отставки правительства СССР, национализации имущества КПСС, ликвидации парткомов на предприятиях, изменения Конституции СССР. Забастовочное движение ускорило принятие новых законов о забастовках, профсоюзах, занятости и т. д.

Атмосфера гласности и сложная экономическая ситуация оказывали прямое влияние на характер массовых настроений в стране. Анализ адресованных власти писем, публикаций в прессе, выступлений на митингах свидетельствует о заметных изменениях в настроениях и поведении населения. В общественном сознании формировалась четкая зависимость между успехами перестройки и радикальным отказом от советского прошлого (сталинизма, политики репрессий и т. д.). Важным событием стала публикация 13 марта 1988 г. в газете «Советская Россия» статьи Н. Андреевой «Не могу поступиться принципами», в которой автор критиковала журналистов, призывавших к пересмотру истории КПСС и советского общества. Ответом послужила антисталинская редакционная статья в «Правде» от 5 апреля того же года [7, с. 349]. В связи с выборами народных депутатов на альтернативной основе в 1989 г. проявляется восторженная эйфория, но одновременно с этим и на съездах народных депутатов, и на местном уровне растет количество острых вопросов и дискуссий. Все чаще объектом критики является КПСС, становится заметно скептическое отношение населения к партийным решениям и политике в целом. Социологи отмечали растущее разочарование населения, психологический кризис общества. Если прежде отдельные недостатки объяснялись последствиями войны и империалистическим окружением, то для послевоенного поколения старые аргументы утрачивали силу и рождали новые вопросы. Создавался прецедент «все против власти» [8, с. 718].

Межнациональные конфликты и судьбы людей

Несколько десятилетий официальной пропагандой утверждалось отсутствие национальных проблем в стране. Однако со второй половины 1980-х гг. конфликты проявились с неожиданной остротой и стали решающим фактором в распаде СССР.

Первые признаки нарастающего напряжения между нациями казались случайными. В мае 1986 г. начались конфликты в Якутии. Поводом послу-

жила ссора на катке в Якутске, которая переросла в трехдневную драку между русскими подростками и студентами-якутами местного университета. Так как виновные не были наказаны, перед зданием областного комитета КПСС состоялся митинг протеста. Более 600 человек скандировали такие лозунги, как «Якутия – для якутов», «Долой русских», а также звучали призывы громить здание МВД

и обвинения русских в шовинизме [9, с. 522]. Стихийные конфликты на межнациональной почве вспыхнули в разных местах страны: в Алма-Ате, Сумгаите, Новом Узене. Летом 1987 г. с новой силой начались акции протеста со стороны крымских татар, которые требовали возвращения на историческую родину (в Крым), а также восстановления крымско-татарской автономии.

Крупнейший этнический конфликт развязался между армянами и азербайджанцами. Причиной стал спор о Нагорном Карабахе – армянском анклавом со статусом автономной области на территории Азербайджана. Волнения начались в 1987 г., а особенно ожесточенный характер приобрели к февралю 1988 г. В полной мере здесь проявились чувства этнической и национальной вражды и ненависти. В Сумгаите 27 февраля 1988 г. начался погром армянского населения: толпы численностью от 10 до 100 человек бродили по городу, выбирая жертвы. По официальным данным, погибло 32 человека, более 100 были ранены, горели дома, автомобили, были ограблены квартиры [8, с. 527]. О трагической судьбе семьи одной армянской девушки из Сумгаита рассказала С. А. Алексиевич в книге «Время секонд хэнд»: «но когда она заговорила. <...> я хотела ее не слышать... не слышать! Ничего не слышать! <...> “Что с твоим домом?” – “Дом разграбили”. – “А с твоими родителями?” – “Маму вывели во двор, раздели догола и – на костер! А сестру беременную заставили танцевать вокруг костра... А когда убили, железными прутьями выковыривали из нее ребенка. <...> Папу порубили... топором... <...> Родственники узнали его только по ботинкам <...> Собирались мужчины, молодые и старые, по двадцать-тридцать человек и врывались в дома, где жили армянские семьи. Убивали и насиловали – дочь при отце, жену при муже. <...> На кладбище валили плиты с армянскими фамилиями... мертвых ненавидели...” – “Замолчи! Разве такое может быть с людьми?!”» [9, с. 321–322]. Позднее резня началась и в Баку: «...Убивают за деньги и просто так. <...> В одном доме убили всех... А самая маленькая девочка залезла на дерево... Они ее как птичку... Ночью плохо видно, долго не попадали. Злились... целились. Упала им под ноги. <...> На улицах везде русские солдаты <...> они же были мальчишки... в обморок падали от того, что увидели...» [9, с. 325].

Жертвами погромов на этнической почве были представители многих национальностей. Из воспоминаний 24-летней русской по национальности Ольги, родившейся в Сухуми и жившей там до 1992 г.: «Люди ездили в одних автобусах, учились в одних школах, читали одни книги, жили в одной стране и язык все учили – русский. И они теперь

убивают друг друга: сосед – соседа, одноклассник – одноклассника. <...> Воюют здесь же, возле дома. <...> Я писала в школьном сочинении: “братья навек...”, “союз нерушимый...” Убить человека! <...> Я это видела... Понять нельзя... не понимаю» [9, с. 247]. «Первые дни грабители ходили в масках... Черные чулки на лицо натягивали. <...> Идет: в одной руке хрустальная ваза, в другой автомат, и на спине еще ковер. Телевизоры тащили, стиральные машины, женские шубы... посуду... Ничем не брезговали, детские игрушки в разбитых домах подбирали» [9, с. 256].

В годы перестройки власть столкнулась с многообразием проявления национальных конфликтов. Это были протесты государств Прибалтики, включенных в состав СССР во время Второй мировой войны. В Закавказье вспыхивали противоречия как между, так и внутри государств (грузины – абхазы, грузины – осетины). В Средней Азии существовали свои разногласия. Так, возникла проблема таджиков в Узбекистане. Для автономных округов (Якутия, Татарстан, Башкирия) актуальной задачей являлось выравнивание прав с союзными республиками. Особое место занимали сложнейшие проблемы восстановления прав репрессированных народов – крымских татар, поволжских немцев. Как отметил Р. Г. Пихоя, «везде упорно разыгрывалась антирусская карта, <...> пропагандировалась мысль о том, что республики кормят Россию и центр» [8, с. 534]. В этих условиях силу набирали миграционные процессы из зон военных конфликтов в центральные регионы СССР. Ни центральные, ни местные органы власти не были готовы к решению данной проблемы, в связи с чем обустройство в новых условиях, как правило, являлось личным делом самих переселенцев. Только к концу 1990-х гг. начали действовать специальные программы помощи беженцам. В Российской Федерации был принят Закон «О вынужденных переселенцах», согласно которому за счет Федеральной миграционной программы осуществлялась выплата компенсаций за утраченное жилье, имущество. Помимо прочего, были созданы пункты временного размещения для лиц, получивших статус вынужденного переселенца, предоставлялся долговременный беспроцентный кредит на строительство жилья и т. д. Тем не менее в конце 1980-х гг. ситуация была гораздо сложнее. Из воспоминаний Ольги из Сухуми: «Я не хотела... ни за что не хотела уезжать... “Мама, а куда я еду?” – “Ты едешь домой. В Россию”... Москва!... Две недели я жила на вокзале. Таких как я – тысячи. С семьями, с детьми и стариками. Из Армении, Таджикистана, Баку... Живут на скамейках, на полу. Еду там же варят. Стирают... Дома нас никто не ждал» [9, с. 258].

Новые явления в повседневной жизни

В первые годы перестройки активная часть населения испытывала постоянную эйфорию от обе-

щанных перспектив: «Вера была искренняя... наивная вера... Поверили, что вот сейчас... уже стоят

на улице автобусы, которые повезут нас в демократию. Будем жить в красивых домах, а не в серых “хрущевках”, построим автобаны вместо раздолбанных дорог, станем все добрыми <...> Программу “Новости” смотрели каждый час <...> Сейчас Собчак на съезде выступает... Все бросают дело и бегут к экрану <...> Сахаров на трибуне... Значит у социализма может быть “человеческое лицо”. <...> Бесконечные митинги... Улицы утопали в листовках. <...> Каждый думал <...> вот сейчас правильные люди найдут правильные ответы. <...> Но жизнь становилась все хуже» [9, с. 60–64].

Перестройка стала настоящим испытанием как для властей, так и для населения. Суть происходящего в СССР выражена в словах американского политолога Дж. Сакса: «Мы положили больного (т. е. СССР. – О. Б.) на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия» [7, с. 396]. Общество, которое три четверти века развивалось по другому сценарию, во многом оказалось не готово к новым преобразованиям, а власть спонтанными действиями лишь усугубила ситуацию. Из года в год экономическое положение в стране продолжало ухудшаться. Это вызывало социальное напряжение, вело к поляризации общества. Появились «новые русские» и нищие безработные, олигархи и БОМЖи (лица без определенного места жительства). Возникла сеть коммерческих магазинов, в которых цены на товары были запредельными. Практически на все повседневные продукты был колоссальный спрос. Из магазинов исчезали мыло, стиральные порошки, белье, сахар, масло. К началу 1990-х гг. из тысячи наименований в продаже было только 56 продуктов [7, с. 367]. Для отпуска продовольствия и промышленных товаров в стране стали вводить адресные «карточки потребителя», которые выдавались по месту жительства на каждого члена семьи. О положении на потребительском рынке наиболее точно свидетельствуют современники перестройки: «Горбачевские годы... Свобода и купоны... Талоны... купоны... На все. От хлеба до крупы и носков. Стояли в очереди по пять-шесть часов. <...> Я в это время уже училась в аспирантуре. <...> Помню <...> в университетской библиотеке и в кабинете декана стояли бочки с солеными огурцами и помидорами. <...> Соленья продавали, и этими деньгами платили преподавателям зарплату. <...> Мы оказались не приспособлены к новой жизни, которую ждали» [9, с. 163]. Молодой человек с горечью вспоминал: «...Мы тоже мечтали о свободе. <...> Хотели жить как на Западе. <...> “Перемен хотим... перемен...” – пел Виктор Цой. Куда неслись – не понимали. Все мечтали... А в продуктовых магазинах стояли одни трехлитровые банки с березовым соком и маринованной капустой. Пачки лаврового листа. Талоны на макароны, масло, крупу... на табак... В очереди за водкой могли убить! Но напечатали запрещенных Платонова, Гроссмана...» [9, с. 282].

На руках у граждан скопились огромные денежные средства (в 1989 г. – более 100 млрд руб.), на которые нечего было купить. По инициативе правительства 24 января 1991 г. была проведена денежная реформа. За три дня планировалось обменять купюры номиналом 50 и 100 руб. нанеся таким образом удар теневой экономике. Были введены ограничения на выдачу наличных вкладов в сбербанках: на руки выдавали не больше 500 руб. С апреля 1991 г. правительство повышало розничные цены практически на все продовольственные и промышленные товары повседневного спроса, а также на транспорт и коммунальные услуги. Зарплата при этом повысилась лишь на 20–30 %, а единовременная компенсация равнялась 60 руб. [12, с. 375]. На фоне общих тревожных ожиданий такая политика правительства вызвала панику и озлобление людей. Кредит доверия властям был исчерпан, по стране прокатилась массовая волна забастовок. Ответной реакцией стало введение патрулирования милицией и военными улиц в крупных городах.

В годы перестройки в СССР началась стремительная криминализация общества. Разрешение индивидуально-трудовой деятельности и кооперативов фактически означало легализацию теневой экономики. Дополнительный приток товаров должен был сократить дефицит и стабилизировать ситуацию. Однако, пользуясь полученной свободой и бесконтрольностью со стороны властей, многие из новых кооператоров своими целями ставили личное обогащение, уклонение от уплаты налогов и пошлин, запутывание бухгалтерской отчетности. Только в 1987 г. прибыль теневого сектора экономики составила около 240 млрд руб., зарплата кооператоров приближалась к 500 руб. в месяц (у промышленных рабочих – 150–160 руб.) [10, с. 12–13]. Новым социальным явлением стала организованная преступность. В результате либерализации внешнеэкономической деятельности появились смешанные предприятия и иностранные фирмы, которые получали крупные прибыли от продажи сырья за границу. Мощной финансовой опорой для неформального сектора экономики стало хищение государственной собственности. Размер прибыли от подобного рода преступлений, по определению Госкомстата СССР, в 1990 г. составил 5,4 млрд руб. [10, с. 15]. Развитию криминального бизнеса способствовал дефицит товаров и услуг. Ежегодно примерно 1,5 млрд руб. граждане тратили на услуги разных дельцов. В конце 1980-х гг. 63 % жителей Москвы были вынуждены покупать обувь и одежду у спекулянтов. Доходы от перепродажи товаров по спекулятивным ценам в 1990 г. оценивались в размере 23,1 млрд руб., что составляло более 23 % от всего объема теневой экономики в СССР [10, с. 16–17].

Анализ криминальной статистики СССР за 1986–1991 гг. свидетельствует о том, что по стране возросла численность особо тяжких преступлений, таких

как убийство или покушение на убийство. Мотивы были самые разные: власть, материальные блага, зависть, ревность, обида, устрашение других людей и т. д. После долгих лет замалчивания в 1989 г. была рассекречена статистика преступлений по стране. В первые годы перестройки наблюдался спад зарегистрированных убийств, что было вызвано целым комплексом причин, начиная от общей атмосферы социального оптимизма и заканчивая положительным эффектом от антиалкогольной кампании. Однако в 1988 г. рост умышленных убийств составил 14 %, в 1989 г. – 28,5 %, 1990 г. – 15,9 %. Позитивные тенденции начали проявляться лишь с 2002 г. При этом многие преступления остаются или не раскрытыми, или не зарегистрированными правоохранительными органами [11, с. 156–161].

Одной из нашумевших кампаний периода перестройки стала борьба с пьянством. Значительно сократилось число торговавших спиртным магазинов, закрывались пивные, было приостановлено производство стеклянных бутылок для алкогольных напитков, крайней мерой стало истребление виноградников. В результате этих действий был нанесен катастрофический удар по бюджету:

в 1985 г. потери составили 60 млрд руб., а в 1988 г. – 40 млрд руб. [8, с. 458]. Граждане оказались не в состоянии купить за свои деньги водку, так как в городах оставалось лишь по 2–3 специализированных магазина, что вызывало только озлобление. Продавали не больше 2 бутылок водки в одни руки, и лишь на случай поминок по покойнику, по справке из ЗАГСа или из милиции разрешалось купить 12 бутылок. Человека, замеченного в употреблении алкоголя на работе, дома (если это привлекло чье-то внимание) или в купе поезда, могли уволить и исключить из партии. В стране процветала спекуляция спиртными напитками и массовое самогонование, увеличилось потребление различных суррогатов и спиртосодержащих жидкостей технического назначения, расширялось потребление наркотических веществ, участились случаи отравления. В 1988 г. было изготовлено 120 млн декалитров самогона, в медицинские вытрезвители было помещено 4,5 млн человек, с 1989 г. потребление алкоголя по стране выросло на 34 % [12, с. 32]. После нескольких лет запрета антиалкогольная кампания незаметно завершилась.

Заключение

Ряд позитивных и негативных последствий реформирования социализма в СССР, который дан в рамках настоящей статьи, не исчерпывающий. Однако, на наш взгляд, главный итог заключался в том, что перестройка, являясь объектом деятельности различных сил, вызвала в стране такую социально-экономическую и политическую ситуацию, результаты которой были противоположны ожиданиям большей части политической элиты и населения. Для советских граждан повседневная жизнь в годы радикальных перемен обернулась

как неожиданными открытиями, так и серьезными проблемами. Настроения в обществе менялись в зависимости от политической и экономической ситуации в стране: от оптимистических или нейтральных в первые годы перестройки до скептических и протестных на заключительном этапе. Падение уровня жизни большинства населения, а также усиление социальной напряженности обусловили иную стратегию поведения, в основе которой лежало стремление сохранить привычный уклад жизни.

Библиографические ссылки

1. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. 2-е изд. / пер. с англ. Л. Ю. Пантина. М., 2008.
2. *Маслов Д. В., Красавин В. А.* «На шестом году перестройки призывают людей принести новые жертвы...» Статья бывшего первого секретаря МГК КПСС В. В. Гришина. 1989 г. // Истор. арх. 2014. № 6. С. 73–86.
3. *Голубицкий Ю. А.* Летопись реформирования России. Новая Русская смута на рубеже веков и тысячелетий в зеркале отечественной социологии. М., 2013.
4. *Белохвостик Н.* Светлана Алексиевич: «Мы живем в промежуточное время. Но европейское будущее все равно будет» [Электронный ресурс] // Комсом. правда в Белоруссии. 2014. 11 февр. URL: <https://www.kp.by/daily/26192/3080591/> (дата обращения: 10.10.2016).
5. *Леман Л.* Гласность в экспортном исполнении. Размышления публициста из ФРГ Лутца Лемана о «Гласности для иностранцев» // Родина. 1984. № 4. С. 74–76.
6. *Вершель В. П.* Политическая социализация рабочего класса СССР в ходе забастовочного движения 1989–1991 гг. // Клио. 2011. № 1. С. 77–82.
7. *Соколов А. К., Тяжелыникова В. С.* Курс советской истории, 1941–1991. М., 1999.
8. *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998.
9. *Алексиевич С. А.* Время секунд хэнд. М., 2013.
10. *Богданов С. В., Орлов В. Н.* Особенности развития экономической преступности в СССР в период общественных трансформаций (1985–1991 гг.) // Науч. проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 11 (2). С. 11–18.
11. *Пашин В. П., Богданов С. В.* Политический режим и смертность от убийств. Сравнительный анализ криминальной статистики СССР-РФ и США // Вестник архивиста. 2009. № 4. С. 156–171.
12. *Заиграев Г. Г.* Испытание трезвостью // Родина. 1989. № 9. С. 33–37.

References

1. Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times : Soviet Russia in the 1930s*. 2nd ed. Moscow, 2008 (in Russ.).
2. Maslov D. V., Krasavin V. A. «At the 6th year of perestroika they call on people to make new sacrifices...» An article of V. V. Grishin, the former First Secretary of the Moscow City Committee. *Istoricheskii arkhiv*. 2014. No. 6. P. 73–86 (in Russ.).
3. Golubitskii Yu. A. [Chronicle of the Reform of Russia. New Destember of Russia at the turn of the century and millenia in the domestic sociology]. Moscow, 2013. (in Russ.).
4. Belohvostik N. [Svetlana Aleksievich: «We live in an intermediate time. But the european future will be»]. *Komsomolskaya pravda in Byelorussia*. 2014. Febr. 11. URL: <https://www.kp.by/daily/26192/3080591/> (date of access: 10.10.2016) (in Russ.).
5. Leman L. [Publicity in export performance. Reflections of the publicist Lutz Leman about «publicity for foreigner»]. *Rodina*. 1984. No. 4. P. 74–76 (in Russ.).
6. Verschel V. P. Political socialization of working class in USSR in the strike movement during 1989–1991. *Klio*. 2011. No. 1. P. 77–82 (in Russ.).
7. Sokolov A. K., Tyazhelnikova V. S. [The course of Soviet history, 1941–1991]. Moscow, 1999 (in Russ.).
8. Pikhoya R. G. [The Soviet Union: the history of power. 1945–1991]. Moscow, 1998 (in Russ.).
9. Aleksievich S. A. [Time second hand]. Moscow, 2013 (in Russ.).
10. Bogdanov S. V., Orlov V. N. [Features of the development of economic crime in the USSR during the period of social transformations (1985–1991)]. *Nauchnye probl. gymanitarnych issled.* 2009. No. 11 (2). P. 11–18 (in Russ.).
11. Pashin V. P., Bogdanov S. V. The political regime and mortality from murders. The comprative analysis of criminal statistic of the USSR-Russian Federation and the USA 1986–2006. *Vestnik arkhivista*. 2009. No. 4. P. 156–171 (in Russ.).
12. Zaigraev G. G. [The test of sobriety]. *Rodina*. 1989. No. 9. P. 32–37 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 12.11.2016.
Received by editorial board 12.11.2016.